

Глава из повести

Иллюстрации Н. Гришина

Лунная экспедиция дошла до конца... Дальше управляемая с Земли танкетка двигаться не могла.

Радиосвязь с краем видимого с Земли лунного диска становилась неустойчивой.

Танкетка недвижно стояла, поцарапанная, помятая, запыленная. В ее матовой полусфере — телеэкране — то появлялось, то исчезало изображение земного пульта управления и пустого кресла водителя, который пошел домой отоспаться.

Маленькая американка в легком пластмассовом скафандре стояла рядом с командором экспедиции. Прозрачный колпак позволял видеть стриженую головку, чуть сощуренные зеленоватые глаза и тонкие губы.

Профессор-селенолог Петр Громов казался рядом с журналисткой Эллен Кенни гигантом, широкоплечий, атлетически сложенный, с крупными, рублеными чертами лица и пристальным взглядом. После объединения в одну экспедицию почти две недели провели они вместе.

Всего один «лунный день», но это даже не земной год! Плечом к плечу прошли они все круги Дантова ада, оставив в вековой пыли стомильную цепочку обведенных тенью следов.

Тени здесь были черные, как небо, и казались провалами в пустоту. Свет и мрак существовали рядом. Одновременные день и ночь... косматое яркое солнце и пристальные немигающие звезды, обрывы «берегов» лунного моря платиновыми стенами уходили в звездное море. Голые утесы нависали над окаменевшими грядами волн, посыпанных пеплом. Острые, как ножи, ребра скал и рваные кромки трещин остались нетронутыми после древних катаклизмов.

Каждая пылинка, не зная ветра, лежала недвижно, камень столетиями не мог сорваться в пропасть.

Две недели не было отдыха от света. В мире без полутеней все, что под солнцем, одинаково ослепительно, все, что не освещено, — невидимо. Две недели никто не знал иного ложа, кроме острых камней.

Эллен и Громов наблюдали, как постепенно надувается резиновая палатка, в которую Аникин впускал воздух. Том Годвин расправлял складки.

Оба они были в таких же, как и Громов, скафандрах, Аникин, почти такой же маленький, как Эллен, лишь вдвое шире ее в плечах, а Том Годвин — худой и длинный.

С камней стала подниматься резиновая масса, постепенно обретая неожиданные для дикого лунного пейзажа формы земного дома.

Резиновая палатка не нуждалась ни в каких подпорках. Внутреннее давление наполнившего ее воздуха заменяло балки, стропила, каркас и колонны. Среди лунных скал возник маленький домик с полусферической крышей, похожий на фургончик, только без колес. В нем было два целлулоидных окна и тамбур.

Петр Сергеевич взял Эллен за руку и ввел в тамбур воздушного шлюза. Аникин и Годвин закрыли за ними дверь. Громов зажег электрический фонарик. Стали видны гармошки сморщенных стен. Они стали быстро расправляться. Тамбур заполнялся воздухом.

Громов с улыбкой посмотрел на Эллен.

— Открывайте дверь в дом.

Эллен распахнула внутреннюю дверь. Стоя на пороге, взволнованная, она не решалась войти в небольшую уютную комнату.

Громов снял с себя шлем скафандра и с облегчением вдохнул воздух комнаты.

— Как в саду, — сказал он.

— И я! И я!.. — заторопилась Эллен.

Громов помог и ей освободиться от шлема.

— Боже мой, я, наверное, ужасно выгляжу, — сказала Эллен, растерянно оглядываясь.

Резиновые стенки словно состояли из отдельных подушечек, напоминая стеганое одеяло. Посередине тумбой возвышался надувной столик с алюминиевым верхом. По обе стороны его, как в железнодорожном купе, поднялись надутые воздухом диваны.

Эллен, как и Громов, вдохнула в себя воздух и вдруг расплакалась. Виновато посмотрела на Громова и сказала:

— Хорошо, хоть слезы можно вытереть...

Открылась дверь. Вошли Аникин и Годвин.

Эллен засуетилась у стола:

— Что вы подумаете? В первый раз мы пообедаем без этих противных резиновых трубок, через которые приходилось сосать питательную кашу.

Том Годвин сел за стол и сжал голову руками, поставив локти на стол. Он был подавлен... земной обстановкой.

— Обедом займусь я, — предложил Аникин. — Поджарю филе, соус мадера! Устраивает?

Громов расставил на столе реактивы и две пробирки, одну с темной жидкостью, найденной на дне пещеры, другую с красноватой плесенью, соскобленной с камней.

— А знаете ли вы, что это за черная жидкость? — отозвался Петр Сергеевич, работавший с реактивами у стола. — Это нефть.

— Что вы радуетесь, словно получили наследство? — поднял голову Годвин. — Смеялись над моими лунными приисками, а ухватились за лунные промыслы?

— Нет, Годвин, нет!.. Если нефть есть на таком космическом теле, как Луна, то...

— То нефть не биологического происхождения: — договорил за Громова Аникин.

— Вот именно. Пусть Луна и оторвалась когда-то от Земли, оставив выемку Великого океана, это было еще до поры, когда появилась жизнь на Земле.

— Земля! — прервал Годвин. — У меня все внутри перевертывается, когда я слышу это слово.

— У многих сейчас перевернутся представления о ней, — продолжал командор. — Нефть — это не остатки живых существ, как думали многие,

а химическое соединение, образовавшееся при формировании земной коры, — ее «жидкая составляющая» наряду с водой. В глубине Земли можно найти океаны нефти. Чем глубже в Землю, тем ее будет все больше!.. Никогда не наступит нефтяной голод на Земле!

— Опять Земля! — крикнул Годвин. — Да перестаньте же!.. Я вошел в этот дом, дышу земным воздухом, говорю и слышу, как человек, без дурацких шлемофонов. Я словно дома, а через час снова окажусь среди проклятых скал в пустоте... Мне будто показали еду после голодовки и сейчас отнимут ее...

— Слушайте, друзья! — увлеченно прервал Громов. — Эта лунная плесень оказалась белковым веществом. Она наверняка питательна!..

Он откинулся на спинку дивана и торжествующе оглядел всех. Перед ним на столе, как трубки маленького органа, стояли ряды стеклянных пробирок с разноцветными светящимися реактивами, лежали стеклянные квадратики с помутневшими каплями и крупинками красноватого вещества.

Годвин снова охватил голову руками:

— К черту! Я не двинусь дальше с места. Мы с мисс Кенни — американцы. Смысл жизни — в комфорте. Мы остаемся здесь.

— Годвин, тише, — остановил Петр Сергеевич. — Вы только посмотрите. Плесень бурно реагирует на новые условия. Она поглощает углекислоту и, вероятно, даже азот!.. Она увеличивается в объеме на глазах. Не спорьте... У вас просто припадок ностальгии, Том. О Земле надо думать, конечно, но... А что, если перенести лунную плесень на Землю? Если она выжила на Луне, то на Земле... Вы только посмотрите, она поднимается, как на дрожжах...

Годвин покосился на красноватую массу, занявшую уже часть стола.

— Черт возьми, «оно» пухнет, — проворчал он.

— Вы представляете, какие урожаи белкового вещества можно получить, если перенести споры этой плесени на Землю? Это необыкновенное открытие, друзья!.. Если мне посчастливится, и я увижу с горного кряжа «ту сторону» и вулкан, который нельзя разобрать на фотографиях, то задача нашей экспедиции будет выполнена!

— Я пойду с вами, командор! — заявила Эллен.

— Нет, — мягко сказал Громов. — Никто не пойдет, кроме меня. Я получил такое указание из Москвы. Годвин прав. Вы все останетесь здесь. Нельзя рисковать всеми членами экспедиции, отрывать их от танкетки, от нашей базы, от связи с Землей. Вы подождете меня здесь.

— Указание Москвы? — вскипел Годвин. — Почему я должен слушаться Москвы? Я хоть и погибшего корабля капитан, пусть и разбилась в пропасти моя ракета «Колумб», спасибо вам за спасение нас, американцев, но я все же американский капитан!.. Сам себе хозяин. Фу, черт!.. Какую гадость развели вы здесь на столе! — Годвин осматривал выпачканный в красноватой массе кулак. — Я сам пойду с вами, командор, пойду, и баста!..

Петр Громов восхищенно смотрел, как расплзается красноватая масса по столу, уже стекает с него на диваны и на пол:

— Хорошо, Том! Это ваше право. Спасибо за готовность. Но смотрите сюда! Пена жизни! Как это необыкновенно красиво! Пена жизни! Всепобеждающая жизнь! Она попала в лучшие условия — и, вы посмотрите, какая неотвратимая жадность роста. Живое сокровище!.. Им будет питаться скот Земли. Еще Тимирязев мечтал о «хлебе из воздуха». Ведь в воздухе есть все материалы для создания питательных белков. И вот видите, где был скрыт механизм такого преобразования. На Луне!..

— Черт возьми, командор! Я бы не так восхищался этим дьявольским тестом. Оно растет, как банковский счет у Рокфеллера.

Эллен в ужасе смотрела, как вздымается, стекая на диваны и на пол, красноватая, шевелящаяся пена. Она, словно из невидимого крана вливаясь в резиновую палатку, взбухая, заполняла собой все...

— Лучше выбросить ее наружу, — предложил Аникин.

Он и Годвин стали сгребать живую пену и выбрасывать через открытую дверь в шлюз. Эллен после безгливого колебания присоединилась к ним.

Основную массу удалось удалить, закрыв в тамбур дверь. Но оставшаяся плесень, размазанная по столу и полу, снова набухла, пузырясь и шевелясь.

Стало тяжелее дышать. Аникин добавил воздуха, который расходовался на рост пены. И пена сразу взбесилась, словно прорвала плотину. На полу уже некуда было ступить. Ноги утопали в ней по щиколотку.

— Придется отступить, — решил Петр Сергеевич. — Это будет самое приятное отступление, какое только можно себе представить. Какова сила жизни! Какова! Недаром находили микробы на метеоритах, лишенных всякой атмосферы, блуждавших в космосе.

Годвин вдруг расхохотался:

— Черт возьми, командор! Это веселое тесто привело меня в себя. Я, кажется, наговорил здесь черт знает что!

— Ничего, Годвин. Это приступ ностальгии, тоски о родной Земле. Надевайте скафандры.

— Жаль покидать такой уютный коттедж. Но лунные туземцы выживают нас отсюда, как англичан из Африки.

— Может быть, успеем пообедать по-человечески? — спросил Аникин. — У меня все готово.

— К вам на сковородку попала плесень! — всплеснула руками Эллен.

— Вот и прекрасно. Можно теперь попробовать, — сказал Петр Громов и неожиданно для всех подцепил со сковородки кусочек коричневой корки, в которую превратилась лунная пена жизни.

Все замерли.

— Может быть, коровам и свиньям понравится, — сказал он, поморщившись.

— Надо выпускать из палатки воздух, — предложил Годвин.

Аникин тщетно старался открыть дверь в шлюз. Очевидно, пена там слишком разрослась.

Люди уже с ногами забрались на диваны.

— Помните?.. Княжна Тараканова! — воскликнула Эллен. — Страшно!

— Высаживать окно? — осведомился Аникин.

Спрашивать было уже поздно. Пена поднялась вровень с диванами. Петр Громов ударом ноги высадил окно. Стены домика сморщились, потолок навис. Громов помог Эллен первой выбраться наружу.

*

* *

Эллен пошла проводить командора и Тома Годвина в последний переход. Они должны были подняться на горный кряж и увидеть «ту сторону» Луны...

По долине от самого горизонта тянулась светлая полоса. Нырнув в одном месте в море пепла, она у горного хребта показывалась снова и круто поднималась по склону.

Это был один из тех таинственных радиально расходящихся от лунных цирков лучей, над загадкой которого ломали голову ученые. Лучи эти оказались полосами вулканических выбросов. Возвышаясь над остальной местностью, они поразительно напоминали исполинские железнодорожные насыпи. Пузыристые, пористые, шлакообразные, более позднего происхождения, чем лунные моря, они казались с Земли более светлыми.

— Что вы подумаете? — сказала Эллен. — Не могу побороть чувства, что это кем-то насыпано.

— Лунные города выгодно будет строить вдоль этих естественных насыпей, — отозвался Петр Сергеевич. — Их легко превратить в шоссе.

— Лунные города? — поразилась Эллен. Командор не переставал удивлять ее. Он не только вел всех за собой через немыслимые трещины, по головокружительным кручам, по краю пропастей, только вперед, вперед! — он умел видеть и невидимое, и заглядывать в будущее.

— Видите нагромождение скал? — продолжал Громов. — В середине их будет венчать купол, по бокам поднимутся малые купола, напоминая восточные храмы. Сказочный герметический город с искусственной атмосферой внутри. От него радиально протянутся трубы оранжерей. В них необыкновенно разрастутся без оков земного притяжения знакомые нам растения. Как дозорные башни, поднимутся вокруг мачты гелиостанций с исполинскими зеркалами. Самый верхний купол будет принадлежать храму обсерватории. Оттуда жрецы-звездочеты, не зная помех атмосферы, откроют вековые тайны соседних планет, рассмотрят марсианские каналы, убедятся, что это возделываемые и орошаемые полосы растительности, проникнут взглядом даже сквозь завесу вечных венерианских туч...

— О-о! Командор!.. Я знакома с одним человеком, совсем не жрецом... Помехи земной атмосферы не помешали ему увидеть изменения в светлых лучах... Вот здесь, на самом краю лунного диска... И он потерял покой.

Петр Сергеевич рассмеялся:

— Это верно, Аленушка, — в последнее время он так называл Эллен. — Я потерял покой. Изменения в полосах вулканических выбросов означали, что там, где эти полосы сходятся, действует вулкан.

— Да. На невидимой стороне Луны. И вы хотите увидеть то, что не обнаружило даже автоматическое фотографирование?

— Жалею, что сделаю это без вас. Вы были очень легкой спутницей, — сказал Громов, останавливаясь и крепко пожимая руку Эллен.

— О, да! Конечно! Когда я уставала, вы брали меня на плечо. Оно и теперь подсказывает вам...

— Не только мышцы плечевые, но и сердечные.

— О-кэй, Эль! — вмешался Годвин. — Я тоже пожму вашу руку.

— О, Том! Довольны ли вы, что обрели на Луне сестру?

— Сестра? Это, наверное, очень хорошо. У меня никогда не было сестры на Земле...

У Тома Годвина на Земле не было не только сестры, но и семьи, у него ничего не было там, кроме ракет, которым он посвятил жизнь. Он начал с работы на космодроме во время неудачных запусков первых ракет, и поклялся, что поведет одну из них. Пришлось пройти основательную школу, отказаться от мелких радостей жизни. Но Том Годвин умел ограничивать себя и даже не думать о себе... Может быть, именно поэтому он оказался первым американским космическим пилотом...

— Земля!.. — сказала Эллен. — Ее уже почти не видно над горизонтом. И сердце разрывается от этого на части...

— Все в порядке, Аленушка, — ответил Громов.— Скоро «Разум» доставит на Землю первую журналистку, побы-вавшую на Луне, и вы напишете свою книгу...

— «Лунная дорога»...

— А нам пора в дорогу. Возвращайтесь.

— Когда вы исступленно стремились вперед, всегда вперед, к неизвестному своему вулкану, я хотела считать вас Дон Кихотом Космическим. Но вы, скорее, Георгий Седов.

— Это, Аленушка, слишком высокий пример. Георгий Седов, даже умирая, приказывал матросам везти его к Северному полюсу.

— Считайте меня своим матросом, командор, — вставил Том Годвин. — Слово «вперед» меня устраивает.

— К сожалению, я должна довольствоваться словом «назад». Я завидую вам, Том! Я завидую вам, Георгий Седов!.. — Эллен обеими руками встряхнула руки мужчин и долго смотрела вслед уходящим. Они двигались осторожно, избегая прыжков. Их светлые силуэты становились все меньше и меньше.

Эллен почувствовала, что плачет. Она не понимала, почему... и не могла вытереть слез.

Маленькая, поникшая, побрела она назад.

Профессор-селенолог Петр Сергеевич Громов был мастером альпинизма. Более десяти лет он готовился к лунным переходам. Готовился не только в Пулковской обсерватории и в Космическом институте, но и на Памире. Он обладал прекрасной техникой восхождения, вырабатывая ее именно для лунных скал.

На Луне подниматься на горы было и легче и труднее, чем на Земле. Можно было совершать огромные прыжки, взбираться на совершенно отвесные скалы, уцепившись пальцами за почти неосязаемые

шероховатости. Но очень опасно было неверно рассчитать свою силу или движение.

Годвин был менее опытен в горном спорте. Но он был силен и отважен и старался не отставать от командора.

Преодолев особенно трудную кручу, Петр Громов бросал вниз веревку, и Годвин ловко взбирался по ней. Он старался не смотреть в черную бездну, над которой повисал.

В одном месте остановились, чтобы передохнуть. Внизу раскинулась горная страна острых скал, ниже простиралось море, с круглыми, казалось бы, полузатопленными островками, с подобием лагуны посередине.

— Это походит на отпечатки гигантских копыт, — сказал Годвин, — или на коралловые острова, какие я видел в Тихом океане.

— Острова, это верно. Но, конечно, не коралловые. Перед нами, Годвин, те же вулканы, те же образованные ими кольцевые горы, но только затопленные.

— Почему на Луне они кольцевые?

— Потому что сила тяжести здесь мала, и лава, вылетев из кратера, разлеталась гигантской хризантемой.

— Хризантема? Не думал, что лунные черти проветривают свое помещение с помощью хризантем.

— Расплавленная лава, не соприкасаясь с отсутствующим воздухом, не теряя из-за этого тепло, падала кольцом и застывала, постепенно возводя вокруг вулкана кольцевой барьер, который, в конце концов, превратился в замкнутый горный хребет цирка.

— А потом?

— А потом древняя горная страна, состоящая из лунных цирков, при сжатии лунного шара опустилась. Из раскаленных недр через образовавшиеся трещины поднялась расплавленная магма и затопила старые горы.

— Черт возьми, командор! Выходит, лунные цирки рождались и умирали?

— Как и все в природе, Годвин. Вы хорошо сказали. В огне рождались горы, в огне умирали, опускаясь в сверкающее море. Оно дышало здесь тектонической зыбью, золотистое, местами красное, все в фиолетовых блестках. Пологие волны тяжело ударяли в подножья гор, сотрясая лунные утесы. Огненный прибой рассыпался внизу мириадами искр. Магма вгрызалась в скалы проплавленными гротами и тут же

затвердевала камнем. Базальтовым камнем застыло и все лунное море, напоминая земные ледовитые океаны.

— Черт возьми, командор! Здорово у вас получается. Щелкнули тумблером — миллион лет назад. Щелкнули тумблером — вот вам сто лет вперед...

— Что ж, — рассмеялся Громов, — можно и на сто лет вперед. Миллионы лет ничего не менялось на Луне, но сюда пришел человек, Годвин. А человек может все. История человеческого прогресса — это история овладения энергией. Ею владеет теперь человек и может сделать невозможное. На Луне, в лунных породах, в связанном виде химических соединений есть и азот, и кислород, даже водород для воды, Человек, затратив энергию, освободит азот и кислород, и они в земной пропорции создадут вокруг Луны атмосферу с земным давлением.

— Воздух? А он не улетучится с Луны из-за малой тяжести?

— Конечно, будет улетучиваться. Сила тяжести здесь в шесть раз меньше. Но пополнять атмосферу при постоянно действующих атомных установках не составит труда. Кстати, Годвин, на Луне будет не только воздух, но и вода. Она заполнит водоемы. И они будут синими, как новое лунное небо, которое мы здесь создадим. Лунный пепел, подобно пеплу Везувия, поможет создать плодородную почву. На поверхности Луны появятся удивительные сады, даже леса с деревьями непостижимой высоты и красоты. Перенесенные с Земли, они, не ощущая привычной для предшествующих поколений силы тяжести, разрастутся буйно. И на Луну станут прилетать люди Земли не только работать на рудниках, гелиостанциях, космодромах или обсерваториях. Люди Земли, Том, будут отдыхать здесь в сказочных условиях, не ощущая земного веса. Чудодейственно излечатся тут болезни сердца. Сюда прилетят спортсмены для небывалых состязаний в скорости бега, в высоте прыжков. С шестом вы перепрыгнете, Годвин, четырехэтажный дом! Альпинисты столкнутся с увлекательными препятствиями, с зовущими к себе скалистыми вершинами...

— Я бы не сказал, чтобы эти чертовы утесы уж очень меня притягивали. Но без скафандров лазить здесь будет приятнее.

— Человек, побывавший на Луне, никогда уже не забудет ее, вечно будет стремиться обратно, как стремится вернуться всякий, побывавший, например, в Арктике. Он будет тосковать по буйным лунным лесам, по озерам, по глади которых легко бегать...

— Ну, уж и бегать!

— Конечно! В специальной обуви с перепончатыми подошвами. И никогда не забыть восхитительного, знакомого лишь по снам ощущения легкости, которая позволит даже парить в воздухе на полах плаща, как на крыльях. Луна станет чудеснейшим местом Земли, мечтой, сказкой, местом счастья для каждого... Все будут стремиться побывать на ней или вернуться сюда снова.

— Вы такого мне наговорили, командор, что у меня в глазах искры посыпались.

— Годвин!.. Это не искры в глазах! Это падают звезды!..

— На Земле я бы загадал желание.

— Оно уже исполняется, Годвин, самое заветное желание! В черном небе летят не звезды, а капли лавы, как миллионы лет назад! Чтобы увидеть это, стоило лететь на Луну, стоило жить!..

Исследователи, как замороженные, смотрели на черное небо, где проносились золотистые звездочки.

— Что-то не походит на хризантему, — заметил Годвин.

— Это дождь, лунный дождь, Годвин! Огненный дождь!..

Звездочки вдруг стали вспыхивать совсем близко, во всех черных провалах, какими казались тени с ближних скал. На их месте появлялись дымки. Несколько капель лавы шлепнулись совсем неподалеку от исследователей.

Громов прыжком спустился к месту, где только что упала капля:

— Как это прекрасно, Годвин! Она застывает на глазах! На миллиметр сделала выше скалу!.. Из миллиметров слагаются километры высоты!

Горный склон покрылся дымками.

— Нам весьма кстати были бы железные зонтики. А пока их нет, я предпочел бы, командор, чтобы вы скрылись под каким-нибудь уступом.

— Да, да, Годвин! Вот здесь безопасно. Идите сюда. Давайте наблюдать. Хорошо, что я захватил кинокамеру Эллен... Великолепный получится фильм! Пусть посмотрят все, кто воображал, будто лунные кратеры созданы упавшими метеоритами! Вулканами они созданы, вулканами, Годвин!..

Петр Сергеевич увлеченно снимал, как падали огненные капли на камни, как рассыпались сверкающими фонтанчиками, особенно эффектными в тени. Капли застывали на глазах шлаковыми наростами.

— Черт возьми! — только и мог выговорить Годвин.

Громов переключил шлемофон:

— Друзья, — закричал он. — Аленушка, Ваня!.. Лунный дождь! У нас на глазах растут камни, поднимаются горы лунного цирка!..

— Мы вас слышим, командор! — донесся издалека голос Эллен. — Как я счастлива, что вы, профессор, оказались правы!..

Огненный дождь все усиливался. Теперь уже не отдельные искры вспыхивали в тени. Черные провалы покрылись огненной сеткой, весь склон задымился, словно подоженный...

Лава не успевала застывать, огненными струйками она стекала вниз, подтекала под самые ноги стоявших в укрытии исследователей.

— Не может сверху, так достаёт снизу, — сказал Годвин. — Командор, надо бежать, поискать убежище получше.

Ручеек лавы образовал пенящуюся лужу, была вся в пузырях и дымилась.

Громов и Годвин стали осторожно спускаться. Однако об осторожности пришлось забыть. Струйки лавы стекали отовсюду. Они набухали, сливались, превращались в огненные потоки. Узкое ущелье казалось наиболее безопасным, хотя в его тени там и тут вспыхивали звездочки.

Один за другим бежали по нему путники, прыгая по камням.

Огненный поток, словно в погоне за беглецами, ринулся по ущелью, наполнив его красноватым светом.

— Плохо, командор! — едва выговорил Годвин.

— Великолепно, Годвин! Мы видим Луну, какой она была миллиард лет назад!

— Но увидим ли мы Землю, какой она будет завтра?

Ущелье кончилось. Исследователи выскочили из него, и тотчас оттуда вырвался огненный поток.

Петр Громов схватился за бок:

— Осторожно, Годвин! Кажется, капля прожгла мой костюм.

— Прячьтесь, командор! Вот сюда!

— Я зажал рукой... Бежим...

Держась рукой за бедро, прихрамывая, он стал прыгать с камня на камень, все больше отставая от Годвина.

Заметив это, Том Годвин вернулся.

— Воздух выходит... Бегите, Том... Возьмите кинокамеру... не ждите...

И вдруг огненный поток обрушился сверкающим водопадом, разделив исследователей.

— Держитесь, командор! Я перепрыгну через этот поток. Там повыше... Ждите меня...

Громов опустил на камень. Пальцы судорожно закручивали материал в поврежденном месте костюма.

Клубы газа, выделявшегося лавой, окутали его. Огненная масса, клока и пузырясь, неслась у ног. Утечка воздуха давала себя знать. Громов чувствовал, что ему все тяжелее дышать, что обожженное бедро онемело от холода, проникшего в скафандр. Сознание помутилось, Он качнулся, теряя равновесие, и едва овладел собой, усидел... Но в следующее мгновение свободная рука сделала судорожное движение. Он повалился на бок... покатился вниз по камням...

На месте, где только что сидел Громов, появился Годвин:

— Командор! Где вы? Хэлло! Хэлло!

Скрытый дымом, Громов все ниже скатывался по камням. Рука конвульсивно сжимала поврежденное место костюма. Лицо в прозрачном колпаке скафандра покрылось потом.

Ему казалось, что он кричит:

— Годвин! Сюда! Спуститесь метров на...

Шлем ударился о камень, антенна погнулась, отломилась...

Годвин сломя голову прыгал вниз. Он остановился, чтобы передохнуть, и оглядывался, стараясь найти командора.

Горный склон неузнаваемо преобразился, дым оживил его, сверкающие потоки — расцвели...

Годвин не видел командора. А тот лежал за камнем, на который он облокотился. Годвин ничего не слышал в шлемофон. Он включил дальнюю связь:

— Ван, Эллен! На помощь! Мы успели спуститься почти к подножью... Ищите нас... кругом огонь...

Годвин стал кружить на месте, не зная, где искать, командора. Он обежал камень и наткнулся на Громова.

Тот уже был без чувств.

Годвин сразу понял, что случилось. Он оборвал антенну, и ее проволокой закрутил поврежденное место скафандра

командора. Потом взял огромное тело командора на руки и понес вниз, прыгая с камня на камень...

Кое-где вспыхивали в тени огненные фонтанчики...

...ЭЛЛЕН подбежала к танкетке. За кажущейся прозрачной полусферой виднелся пульт цвета слоновой кости, никелированные ободки приборов, пустое кресло водителя с красной кожаной спинкой.

Эллен в отчаянии стала колотить кулаками по пластмассе полусферического телевизионного экрана.

Евгения Громова, младшего брата командора, в кабине сейчас не было. Эллен колотила по телевизионному экрану и в ужасе видела, что кресло то мутнеет, то выступает отчетливее. Телевизионная связь с Землей становилась все неустойчивее.

Открылась дверца, на мгновение стало видно окно лаборатории Космического института, в которой был установлен макет танкетки, появился Евгений Громов, чем-то напоми-навший брата, но с тонкими, почти нежными чертами лица, в голубой тенниске с короткими рукавами.

— Скорее! Несчастье! — кричала Эллен. — Мы должны мчаться на помощь.

— Это невозможно, — лишь через три секунды услышала она голос младшего Громова. — Танкетка находится на пределе видимости с Земли. Она не может двигаться. Радиосвязь неустойчива... А что случилось?..

— Они погибают! А вы рассуждаете о технических трудностях! Неужели настоящие люди — только на Луне! — И Эллен бросилась к светлой полосе, около которой так недавно прощалась с Петром Громовым и Томом Годвином.

Подбежал Аникин, прихрамывая на левую ногу, низенький крепыш, веснушчатый, с чуть вздернутым носом. Он боготворил командора, хотя до полета на Луну защищал метеоритную теорию происхождения лунных кратеров. Показав Евгению рукой на взлетающую над камнями фигурку, Аникин бросился за ней.

Он отставал. Нога давала себя знать.

И вдруг мимо него промчалась танкетка. Она двигалась, как-то странно виляя, словно теряя управление и снова обретая его. Моторы работали на полную мощность, поднятая гусеницами пыль не оседала, и Аникин потерял Эллен из виду.

Тогда, забыв про боль, он полетел вслед за танкеткой, боясь отстать.

Танкетка ждала его. Эллен уже стояла на железном корпусе, опираясь рукой о полусферу.

Аникин вскочил и крикнул:

— Гони теперь! Жарь, молодец все-таки Женька!

Танкетка рванулась с места, но вдруг вильнула в сторону. Эллен свалилась на полусферу, а Аникин слетел на камни. Танкетка со всего размаха уперлась носом в камень, разбив правый прожектор. Она замерла, полусфера потускнела, изображение в ней исчезло. Эллен в отчаянии снова колотила кулаками по полусфере. И, словно подчиняясь ее воле, вновь появилось изображение молодого Громова. Танкетка ожила, попятилась. Аникин едва успел вскочить на нее. Она рванулась и понеслась.

Светлая полоса, похожая на железнодорожную насыпь, ныряла в пепел, появляясь снова лишь у самого подножья горного кряжа.

— Пепел впереди, Женя. Глубоко! Надо объезжать, — крикнул Аникин.

Танкетка круто повернула, пробежала несколько метров и остановилась. Изображение в полусфере мерцало, то появляясь, то исчезая.

— Нельзя, Ваня. Радиоволны не проходят, — слышался голос Евгения.

Танкетка стала пятиться. Она попробовала объехать море пепла слева, но и там вскоре потеряла управление. Контур острых гор, за которыми почти целиком скрылся Земной шар, капризно оставил лишь узкую полоску, по которой еще могла двигаться танкетка.

И тогда Евгений решился. Недаром готовился он годами к управлению лунной танкеткой с Земли. Прославившись как автогонщик, он устанавливал на автомашинах изобретенные им приспособления, чтобы механизм срабатывал не сразу, а спустя две-три секунды; он

методично вырабатывал в себе способность управлять танкеткой, отстоящей на расстоянии, когда электромагнитная волна на путь в два конца затрачивает три секунды. Два раза он попадал в тяжелые аварии, но приобрел удивительные навыки. Только благодаря им он провел танкетку сотни километров по лунным долинам, в решительные минуты помогая экспедиции. И вот теперь...

Евгений направил танкетку прямо в пепел...

Танкетка влетела в него с большой скоростью и... поплыла... Гусеницы бешено вертелись, вздымая черные облака пыли, которые расплзались серыми шарами, заволакивая все туманом.

Но танкетка все же двигалась.

Лишь бы добраться до светлой полосы вулканических выбросов.

И вдруг в шлемофонах отчетливо прозвучал голос Годвина:

— Я несу командора, несус... И я вижу вас. Вы не так далеко...

Том Годвин нес Громова, чувствуя, что плечо его коченеет. Он включил аварийное устройство, изолировавшее шлем от скафандра.

— Конечно, — думал он, — правую руку придется ампутировать, так же как и ногу Командора... Прожгло и у меня скафандр. Лишь бы добежать до этой железнодорожной насыпи, забраться на нее...

И Том Годвин бежал. Рука его болталась плетью. Перекинутое через левое плечо тело командора казалось жестким. Том Годвин не знал, что смертельные огненные капли еще в нескольких местах прожгли скафандр Громова и космический холод ворвался под защитную одежду. Тело его стало негнущимся...

И вдруг у Годвина окаменела нога. Он не мог сделать ни шагу. Опустился на камни и положил рядом с собой тело командора.

Кругиплыли перед глазами Годвина. Сердце, вместо того чтобы бешено колотиться, билось медленно, молотом отдаваясь в висках.

Почти равнодушно посмотрел он на свой прожженный в нескольких местах скафандр. Потом заглянул в лицо командора.

— Вот это был человек! — мысленно сказал Том Годвин, даже не подумав о себе. Его шлем скользнул по гладкой поверхности шлема командора и скатился на камни.

Оба они случайно повернулись лицами к краю Земного шара, который узенькой полоской чуть выступал над зубчатой горной грядой.

Они лежали рядом.

Внизу в пепельном море вздымалось черное облако.

...Танкетка билась из последних сил. Гусеницы буксовали. Она погружалась все глубже...

Эллен и Аникин едва видели друг друга.

Евгений круто повернул.

— Куда вы? Вперед! Только вперед! — кричала Эллен.

Евгений не слушал ее. Танкетка силилась двигаться, но пепел почти скрыл ее, над его поверхностью осталась лишь полусфера, рядом с которой стояли Эллен и Аникин. Пепел доходил им до щиколоток.

— Прыгайте! Прыгайте! — кричал Евгений.

Над пеплом возвышалась скала. Но она была слишком далеко. А танкетка тонула...

Это был непостижимый прыжок. Они прыгнули с Аникиным вместе, держась друг за друга. Они пролетали сквозь серую тучу пепла.

Скала плавно приблизилась снизу... и они упали на нее...

Полусфера едва виднелась над пеплом, напоминая краешек зашедшего земного диска.

И, наконец, полусфера с Евгением совсем исчезла. Пепел сомкнулся.

— Он утонул! — крикнула вне себя от отчаяния Эллен.

Евгений Громов, почерневший, словно пепел действительно оседал на его лицо, выскочил из макета танкетки. Он никого не видел в лаборатории, хотя она была полна встревоженных людей.

— Я утонул! — бессмысленно выкрикнул он.

Он почувствовал, что кто-то трясет его за плечи:

— Только ты знаешь, где они! Только ты!..

— Но я утонул!

— Перестань! Ты не смеешь! — это кричала Наташа, помощница Евгения, которую он знал как самую тихую девушку на свете. — Ты знаешь там каждый камень...

— Я знаю там каждый камень, но... Разве можно успеть на «Разум»? Он стартует за полторы тысячи километров отсюда. — Он посмотрел на часы. — Сегодня вечером в 10 часов 07 минут... Меньше, чем через полчаса!..

...Автомобиль заносило на поворотах. Сирена взывала, и движение на шоссе прекращалось.

Гоночный автомобиль несся, прижавшись к асфальту.

Евгений нагибался вперед, сидя рядом с гонщиком.

Перед ними были автомобильные часы. 9 часов 49 минут.

Ворота аэродрома были широко открыты! Гоночный автомобиль несся уже по бетонным плитам.

Реактивная амфибия стояла, напоминая стрелу с легким оперением.

Вместо сирены теперь визжали тормоза.

Сверху протянулись руки.

Евгений буквально взлетел и исчез в проеме двери.

Амфибия уже разбежалась... пролетела над забором, спрятала шасси...

Часы показывали 10 часов 07 минут...

Волосы Евгения слиплись.

Девушка в белом халате протянула ему стакан.

Он невидящим взглядом посмотрел на нее и залпом осушил. Потом уронил голову на руки.

Часы показывали 10 часов 23 минуты.

Трасса «Разума» рассчитана с предельной точностью. Вылет не может задержаться ни на секунду.

Исступленно ревели за окном реактивные двигатели.

Часы показывали 10 часов 36 минут.

— Мы летим быстрее времени, — сказала девушка-врач, — быстрее, чем вращается Земной шар...

Амфибия садилась прямо на горное озеро, разбивая грудью блики лунной дорожки.

Луна стояла над самыми зубцами гор, и, словно целясь в нее, поднялось над контуром гор острие гигантской ракеты...

Часы показывали снова 9 часов 49 минут. Ведь разница между московским и среднеевропейским временем 2 часа.

...Колющие немерцающие звезды были разноцветными. На Земле они, разбросанные по небосводу, отличались лишь величиной, но здесь безмерная и различная глубина каждой из них ощущалась так отчетливо, что невозможно было связать в одно созвездие Большой Медведицы входящие в нее звезды. На косматое, не затмевающее звезд солнце нельзя было смотреть. Все это было так странно... Ведь Евгений видел солнце и звезды в космосе лишь на телевизионных экранах...

Считалось, что он уже пересек один раз космос, благополучно посадил ракету на Луну, управляя ею с пульта танкетки...

А теперь ему была доверена посадка на Луну атомного гиганта...

Сердце у Евгения надсадно билось. Он забыл о невесомости. Груз ответственности был тяжелее...

Через переплет окна виднелась освещенная часть уже совсем близкого Лунного шара. Казалось, что он покрыт лужами. Большие и малые, все они были совершенно круглыми, отливая гладкой поверхностью. Каменный лед некоторых озер был изрыт воронками.

Гористая часть Луны казалась очень странной из-за длинных теней, отбрасываемых низким солнцем. Некоторые кратеры зияли чернотой, словно не имели дна. Менее высокие горы исчезали в тени пиков. Как бы ни далеки были детали лунного ландшафта, все они были видны одинаково четко, до самой границы неправдоподобно резкой тени. Это была граница ночи, съедавшая горизонт. На Луне нет сумерек...

Евгений боялся, что может ошибиться... Он должен был сесть в непосредственной близости от последней стоянки экспедиции, которую он сопровождал. Решали минуты. Все горы, долины, кратеры в воронки казались одинаковыми.

Во всяком случае, это у самого края ночи...

Великолепный корабль! Как он слушается каждого движения! Ведь Евгений привык, что его приказы механизмы выполняют лишь через три секунды...

Звездолетчики «Разума» припали к окнам. Они видели лунный пейзаж впервые...

Но и Евгений тоже видел его впервые, хотя и знал каждую его деталь.

...Следы! Вот они, следы на пепле, следы, которые он сам, управляя танкеткой, оставил на Луне...

Снабженные лыжами, звездолетчики во главе с Евгением Грозовым бежали по оставшимся в пепле следам. Они потрясли Евгения и тем, что он сам оставил их, и совершенно неправдоподобной контрастностью теней в них. Для него существовали сейчас только эти следы, хотя скалы, трещины и камни Луны могли потрясти каждого, кто впервые видел их...

Следы оборвались. Здесь танкетка вошла в пепел.

Дальше шли на лыжах...

...Эллен Кенни и Иван Аникин были найдены без сознания. Аникин потреблял больше кислорода, и американка присоединила к его

скафандру свой дыхательный аппарат. У них было общее дыхание... Только потому и выжили оба!

Петр Громов и Том Годвин лежали в углублении между двумя выступами скал. С двух сторон вровень с этими выступами были насыпаны камни. Прозрачные колпаки шлемов были сняты. Оба смотрели в звездное небо, покорить которое дерзнули. У них были строгие, спокойные лица, даже величественные, может быть, оттого, что, окаменев, напоминали теперь скульптуру...

Когда Эллен умирала на скале, окруженной пеплом, она думала о них. Она знала, что на Луне тела их сгореть не могли, если бы даже их залило расплавленной лавой. Здесь нет кислорода... Просто они вошли бы по грудь в камень, стали бы лунным утесом... Так не сделал бы и Роден!..

Двенадцать звездолетчиков, прилетевших на «Разуме», закрыли погибших лунных исследователей исполинской каменной плитой. Это возможно было лишь на Луне.

Эллен тихо сказала:

— Я знаю. Сюда прилетит скульптор. Он высечет на этом камне их изваяния... именно так, как я их представляла... наполовину вошедшими в лунный камень.

Подошел Евгений:

— Космос достается людям... дорогой ценой.

— Что вы теперь хотите делать? — спросила Эллен.

— Что делать? Подниматься на горный кряж, изучать открытый вулкан!..

— Кто сказал, что люди не бессмертны!.. — прошептала американка.